

Жанровая сцена, 1945 г. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Жанровая сцена, 1945 г. Владимир Владимирович Набоков

У меня есть один малопочтенный тезка, с тем же именем и той же фамилией, человек, которого сам я в глаза не видел, но пошлую особу которого я мог вывести из его случайных вторжений в замок моей жизни. Путаница эта началась в Праге, где я жил в середине двадцатых годов. Я получил там письмо из прокатной библиотечки, состоявшей, по-видимому, при какой-то белогвардейской организации, которая, как и я сам, покинула в свое время Россию. Письмо в раздраженном тоне требовало, чтобы я незамедлительно возвратил экземпляр «Протоколов Сионских Мудрецов». Книжка эта (которой в былое время мечтательно зачитывался император) была подложным меморандумом, сочиненным полуграмотным мошенником по заказу тайной полиции; ее единственной целью было подстрекательство к погромам. Библиотекарь, подписавшийся Синепузовым, уверял, что я держу этот, по его выражению, «популярный и ценный труд» уже больше года. Он указывал на предыдущие напоминания, посланные мне в Белград, Берлин и Брюссель, куда, очевидно, заносило моего однофамильца.

Я представлял себе этого субъекта молодым, очень белым эмигрантом безусловно черносотенной разновидности, образование которого было прервано революцией, и вот он теперь наверстывал упущенное традиционным способом. Он, видимо, много скитался; я тоже, – и на том наше сходство и кончается. Одна русская дама в Страсбурге спросила меня, не приходится ли мне братом некто женившийся на ее племяннице в Льеже. Как-то раз весной, в Ницце, в мою гостиницу зашла девушка с безразличным лицом и длинными серьгами, сказала, что хочет меня повидать, а увидев, тотчас извинилась и ушла. В Париже я получил телеграмму, в которой нервно сообщалось: «Ne viens pas Alphonse de retour soupçonne sois prudent je t'adore angoissée»[1], и, признаюсь, я испытал род мрачного удовольствия, вообразив как мой повеса-двойник, неотвратимо врывається с букетом цветов в апартамент и застаёт там Альфонса с женой. Несколько лет спустя я читал лекции в Цюрихе, где меня неожиданно арестовали по обвинению в том, что я, дескать, расколотил три зеркала в ресторане – прямо триптих какой-то, на котором изображен мой тезка сначала пьяным (зеркало первое), потом очень пьяным (второе) и, наконец, буйно пьяным (третье). Кончилось тем, что в 1938-м году французский консул без дальних слов отказался поставить печать на моем потрепанном, зеленоватом нансеновском паспорте, потому что, по его словам, я уже однажды въехал в страну без разрешения. В пухлом досье, которое было затем извлечено, я успел подсмотреть физиономию своего однофамильца. Этот прохвост носил коротко подстриженные усы и волосы бобриком.

Когда вскоре после того я перебрался в Соединенные Штаты и осел в Бостоне, я был уверен, что мне удалось отделаться от этой нелепой тени. Затем – а именно, в прошлом месяце, – у меня звонит телефон. Громкий, светлый женский голос назвался мадам Сивиллой Галль, близкой приятельницей мадам Шарп, которая в письме просила ее связаться со мной. Я был знаком с одной мадам Шарп и мне не пришло в голову, что речь могла идти о какой-то другой Шарп и что меня самого принимают за кого-то другого. Медоточивая мадам Галль сказала, что у нее на квартире собирается небольшая компания в пятницу вечером – так не могу ли я придти – судя по тому, что она обо мне слышала, мне будет весьма и весьма интересно. Хотя я и не терплю никаких сходок, я решил принять приглашение, вообразив, что отказом могу как-нибудь огорчить мадам Шарп, милую, коротко стриженую, пожилую даму в буро-малиновых штанах, с которой я познакомился на Кейп-Коде, где она жила на даче с какой-то женщиной помоложе; обе дамы были посредственными художницами левого направления и независимых средств, вполне любезные.

Вследствие неприятности, не имеющей отношения к предмету настоящего повествования, я явился к дому, где жила мадам Галль, значительно позже, чем предполагал. Очень древний лифтер, удивительно похожий на Рихарда Вагнера, угрюмо отвез меня наверх, и не улыбаясь горничная мадам Галль, у которой длинные руки свисали по бокам, ждала покуда я сниму пальто и галоши в передней. Главным украшением тут была одна из тех орнаментальных и, должно быть, чрезвычайно древних китайских ваз – в данном случае, высокая, слащавого цвета махина – которые неизменно приводят меня в ужасно подавленное расположение духа.

Проходя через претенциозную комнатку, набитую символами того, что сочинители коммерческих реклам называют «аттрибутами элегантного быта», и будучи ведом –

Жанровая сцена, 1945 г. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru теоретически, ибо горничная испарилась, – в большую, мягко освещенную, буржуазную гостиную, я начал понимать, что в таких именно местах вас могут познать с каким-нибудь старым олухом, едавшим икорку в Кремле, или с лубяным советским гражданином, и что моя приятельница мадам Шарп всегда почему-то пенявшая мне за мое презрение к Партийной линии и к Коммунисту с его Голосом Хозяина, пожалуй, решила, бедняжка, что такое испытание благотворно скажется на моей кощунственной душе.

Хозяйка дома – оказавшаяся долголягой, плоскогрудой женщиной, с краской от губной помады на выпирающих резцах – отделилась от группы человек в двенадцать. Она наскоро представила меня почетному гостю и остальным ее гостям, и беседа, прерванная моим приходом, тотчас возобновилась. Почетный гость отвечал на вопросы. Это был хрупкого сложения человек с гладкозачесанными темными волосами и лоснившимся лбом, и лампа на высокоом стебле у его плеча так ярко освещала его, что можно было разглядеть чешуйки перхоти на отвороте его сюртука и любоваться белизной его сцепленных рук, одна из которых, как мне пришлось убедиться, была невероятно вялой и влажной. У людей этого рода уже через два часа после бритья, когда неприятельная пудра сотрется, слабый подбородок, впалые щеки и несчастливый кадык обнаруживают сложное сочетание розовых пятен, покрытых иссиня-серой стриховкой. Он носил перстень с печаткой, и мне неизвестно отчего вспомнилась одна смуглая русская девушка из Нью-Йорка, которая так боялась, что ее могут по недоразумению принять за то, что у нее соответствовало понятию «еврейки», что она носила крест на горле, хотя имела столь же мало религиозного чувства, сколь и ума. Он говорил по-английски удивительно свободно, но его твердое произношение «джер» в слове «Германия» и упорно повторявшийся эпитет «wonderful», первый слог которого у него звучал как «вон», выдавали его тевтонское происхождение[2]. Он был, не то прежде, не то теперь или, может быть, собирался стать, профессором немецкого языка или музыки, или того и другого, где-то на Среднем Западе, но я не расслышал его имени и поэтому буду звать его д-ром Туфлингом.

– Разумеется, он сумасшедший! – воскликнул д-р Туфлинг, отвечая на какой-то вопрос, заданный кем-то из дам. – Посудите сами, ведь только умалишенный мог загнать войну в такую трясицу. Я, так же, как и вы, безусловно надеюсь, что в недалеком будущем, если только он окажется в живых, его благополучно препроводят в санаторию в какой-нибудь нейтральной стране. Он это заслужил. Безумием было нападать на Россию вместо того, чтобы оккупировать Англию. Безумием было думать, что война с Японией не позволит Рузвельту энергично вмешаться в европейские дела. Всего безумней тот, кто не способен понять, что кто-то другой тоже может оказаться сумасшедшим.

– Невозможно отделаться от ощущения, – сказала толстая маленькая дама, которую звали, кажется, мадам Мулбери, – что тысячи наших ребят, которые погибли на Тихом океане, были бы живы, если все эти аэропланы и танки, которые мы отдали Англии и России, были бы употреблены для уничтожения Японии.

– Совершенно верно, – сказал д-р Туфлинг. – И в этом была ошибка Адольфа Гитлера. Надо быть безумцем, чтобы не принять в расчет коварных интриг безответственных политиков. Надо быть безумцем, чтобы верить в то, что другие правительства будут действовать в согласии с принципами милосердия и здравого смысла.

– Я всегда думаю о Прометее, – сказала мадам Галль, – о Прометее, который украл огонь и был ослеплен разгневанными богами.

Пожилая дама в ярко-синем платье, вязавшая в углу, попросила д-ра Туфлинга объяснить, почему немцы не восстали против Гитлера.

Д-р Туфлинг на минуту прикрыл веки.

– Мой ответ ужаснет вас, – сказал он с усилием. – Как вам известно, я сам немец, чистопородный баварец, хотя и законопослушный гражданин этой страны. И тем не менее, я сейчас скажу нечто совершенно ужасное о своих бывших соотечественниках. Немцы (его глаза с мягкими ресницами снова полузакрылись) – немцы – мечтатели.

К этому времени я уже, конечно, понимал, что мадам Шарп, приятельница мадам Галль, так же разительно отличается от моей мадам Шарп, как я сам от моего однофамильца. Бредовый кошмар, в который меня занесло, наверное, показался бы

Жанровая сцена, 1945 г. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru ему уютным вечером в компании родственных душ, а д-р Туфлинг – умницей и блестящим козёром. Застенчивость, да быть может, еще недоброе любопытство, не позволяли мне уйти. К тому же, когда я волнуюсь, я начинаю так сильно заикаться, что если бы я попытался сказать д-ру Туфлингу, что я о нем думаю, то вышло бы похоже на залпы мотоциклета, не желающего заводиться морозной ночью в потерявшей терпение загородной улочке. Я огляделся, чтобы убедиться в том, что люди вокруг меня подлинны, а не куклы из фарса «Грушка и Петрушка».

Из женщин ни одна не была хороша собой; всем было под или за сорок пять. Все, без сомнения, были членами каких-нибудь клубов – библиофилов, бриджа, болтовни – и все они принадлежали к огромному, холодному сестричеству неизбежной смерти. Все выглядели радостно бесполоыми. Может быть, у иных и были дети, но как им удалось произвести их на свет, было теперь забытой тайной; многие нашли замену производительной способности в разнообразных эстетических поползновениях, например, в украшении комитетских комнат. Глядя на одну напряженно смотрящую даму с веснушчатой шеей, сидевшую рядом, я уже знал, что, слушая в полуха д-ра Туфлинга, она скорее всего тревожилась о какой-нибудь декоративной детали, имевшей отношение к очередному собранию или патриотическому вечеру, точной природы которого я не мог установить. Зато я знал, как необходимо нужна ей была эта тонкая добавочная подробность. «Что-нибудь этакое в центре стола, – думала она. – Такое что-нибудь, отчего все бы ахнули – скажем, огромное-преогромное блюдо с искусственными фруктами. Только, само собою, не из воска фрукты, а что-нибудь такое дивно мрамористое».

Весьма прискорбно, что я не удержал в памяти имен этих женщин, когда меня с ними знакомили. У двух стройных, взаимозаменяемых старых дев, сидевших на твердых стульях, фамилии начинались на «дубль-вэ», а что до прочих, то одну определенно звали мисс Биссинг. Я ясно это расслышал, но позже не мог соединить этого имени ни с одним лицом или похожим на лицо предметом. Кроме д-ра Туфлинга и меня, имелся еще один мужчина. Он оказался моим соотечественником, каким-то полковником Маликовым, не то Мельниковым – у мадам Галль это вышло похоже на «Милвоки». Пока разносили безалкогольные и бесцветные напитки, он наклонился ко мне с кожаным скрипучим звуком, как если бы под своей мешковатой синей парой он носил сбрую, и сообщил мне глухим русским шепотом, что когда-то имел честь знать моего почтенного дядюшку, и я немедленно вообразил его себе багровым, но несъедобным яблоком на фамильном древе моего тезки. К д-ру Туфлингу тем временем возвращалось его красноречие, и полковник выпрямился, обнаружив обломанный желтый клык в сходящей на нет улыбке и деликатными жестами давая мне понять, что мы потом вдоволь наговоримся.

– Трагедия Германии, – сказал д-р Туфлинг, аккуратно складывая бумажную салфетку, которой он вытирал тонкие губы, – это также и трагедия цивилизованной Америки. Я выступал во многих женских клубах и других центрах просвещения и везде замечал, как глубоко ненавидят эту европейскую войну (которая теперь, слава Богу, закончилась) утонченные, чувствительные души. Я также обратил внимание на то, с какой радостной готовностью образованные американцы воскрешают в памяти более счастливые времена, заграничные впечатления, незабываемый месяц или еще более незабываемый год, проведенный некогда в стране искусства, музыки, философии и доброй шутки. Им вспоминаются дружеские связи, заведенные там, и время, когда они учились и благоденствовали, обласканные гостеприимством благородного немецкого семейства, и эту исключительную чистоту на всем, и песни на закате погожего дня, и прекрасные городки, и весь этот добрый, романтический мир, который они обретали в Мюнхене или Дрездене.

– Моего Дрездена больше нет, – сказала мадам Мулбери. – Наши бомбы уничтожили и Дрезден, и все, что он собой олицетворял.

– В данном случае, британские, – мягко сказал д-р Туфлинг. – Но, разумеется, война есть война, хотя должен сказать, что с трудом могу себе представить, чтобы германские бомбардировщики намеренно выбирали для обстрела священные исторические места в Пенсильвании или Виргинии. Да, война ужасна. Я бы даже сказал, что она делается почти невыносимо ужасной, когда ее навязывают двум народам, у которых так много общего. Вам это может показаться парадоксом, но разве, когда думаешь о солдатах, убитых в Европе, не говоришь себе, что они по крайней мере избавлены от ужасных предчувствий, которыми мы, люди невоенные, должны терзаться молча?

– Мне кажется, это очень верно, – заметила мадам Галль, медленно кивая.

– А что вы скажете насчет всех этих сообщений? – спросила пожилая дама, занятая вязаньем, – Я имею в виду рассказы о немецких зверствах, которые все время печатают в газетах. Ведь это все, я думаю, большей частью пропаганда?

Д-р Туфлинг устало улыбнулся.

– Я предвидел этот вопрос, – сказал он не без грустной нотки в голосе. – К сожалению, пропаганда, преувеличения, поддельные фотографии и тому подобное суть орудия современной войны. Меня не удивило бы, если бы оказалось, что немцы тоже выдумали истории о жестокости американских войск по отношению к мирному гражданскому населению. Какой только чепухи не насочиняли о так называемых зверствах немцев в первую мировую войну – эти чудовищные басни о соблазненных бельгийках и прочая. И что же? Сразу после войны, летом 1920-го, если не ошибаюсь, года, специальная комиссия германских демократов тщательно расследовала все это дело, а мы все знаем, как педантично тщательны и точны бывают немецкие специалисты. И вот, они не нашли даже ничтожных оснований сомневаться в том, что немцы вели себя как солдаты и джентльмены.

Одна из барышень Дубльвэ заметила с иронией, что иностранным корреспондентам ведь нужно же как-то зарабатывать себе на жизнь. Замечание было остроумно. Все оценили ее ироничное и острое замечание.

– С другой стороны, – продолжал д-р Туфлинг, когда зыбь одобрения улеглась, – забудем на минутку о пропаганде и обратимся к скучным фактам. Позвольте мне набросать перед вами небольшую картинку из прошлого, довольно печальную картинку, но, быть может, небесполезную. Прошу вас представить себе немецких ребят, гордо вступающих в какой-нибудь покоренный ими польский или русский город. Они поют на марше. Они не знают, что их фюрер сошел с ума; они искренно верят, что несут завоеванному городу надежду и счастье и прекрасный порядок. Они не могли знать, что из-за будущих бредовых заблуждений Адольфа Гитлера их победа приведет к тому, что враг превратит в полыхающее поле сражения те самые города, которым они, эти немецкие парни, несли, как им казалось, вечный мир. Когда они браво шагали по улицам во всем своем блеске, со своими прекрасными военными орудиями и стягами, они расточали улыбки всем и каждому, ибо они были трогательно простодушны и благожелательны. Они наивно рассчитывали на такое же дружелюбное отношение к себе со стороны населения. Потом они постепенно поняли, что улицы, по которым они так молодцевато, с такой уверенностью маршировали, были запружены по сторонам молчаливыми и неподвижными толпами евреев, глядевшими на них с ненавистью и оскорблявшими каждого проходившего солдата, – не словами (у них хватало ума этого не делать), а вот этим мрачным взглядом и почти неприкрытой насмешкой.

– Я этот взгляд хорошо знаю, – хмуро сказала мадам Галль.

– Да, но они-то его не знали, – жалобным тоном сказал д-р Туфлинг. – Вот в чем дело. Они были озадачены. Они ничего не могли понять, и им было больно. Что же они предприняли? Сначала они пытались бороться с этой ненавистью посредством терпеливых разъяснений и небольших знаков расположения. Но стена окружавшей их ненависти становилась только толще. В конце концов они вынуждены были посадить в тюрьму вожаков этого злобствующего и надменного сообщества. Что же еще оставалось им делать?

– Я случайно знакома с одним старым русским евреем, – сказала мадам Мулбери. – Просто потому, что он сослуживец моего супруга. И вот он как-то раз признался мне, что с радостью задушил бы своими руками первого попавшегося немецкого солдата. Я была так потрясена, что вот просто остолбенела и не знала как ответить.

– Уж я бы ему ответила, – сказала дородная женщина, которая сидела, широко расставив колени. Да и вообще, чересчур много говорят о возмездии немцам. Они ведь тоже люди. Всякий чуткий человек согласится с вашими словами о том, что они не виноваты в этих так называемых злодействах, большая часть которых, наверное, выдумана евреями. Не могу спокойно слышать, как люди продолжают еще разглагольствовать о печах и пыточных камерах, которые, если вообще существовали, обслуживались горсткой таких же сумасшедших, как Гитлер.

– Боюсь, нам следует набраться терпения, – сказал д-р Туфлинг со своей

Жанровая сцена, 1945 г. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru невозможной улыбкой, – и принять во внимание особенности богатого семитского воображения, которое держит в подчинении американскую печать. Кроме того, необходимо помнить, что чистоплотным германским солдатам приходилось принимать и сугубо санитарные меры в отношении трупов пожилых людей, умерших в лагере, а в некоторых случаях надо было избавляться от жертв тифозных эпидемий. Сам я совершенно свободен от расовых предрассудков и не понимаю, почему эти вековые расовые проблемы должны влиять на отношение к Германии, да еще теперь, когда она капитулировала. Особенно, если вспомнить, как англичане обходятся с туземцами в своих колониях.

– Или как большевики-евреи обходились с русскими – ай-яй-яй! – заметил полковник Мельников.

– Но ведь это все в прошлом, не правда ли? – спросила мадам Галль.

– Конечно, конечно, – сказал полковник. – Великий русский народ пробудился, и мое отечество снова сделалось великим. У нас было три великих вождя. Был Иван, которого враги прозвали Грозным, потом был Петр Великий, а теперь Иосиф Сталин. Сам я белоэмигрант и служил в императорской гвардии, но я еще и русский патриот и русский христианин. Сегодня в каждом слове, которое исходит из России, чувствуется мощь, чувствуется величие старой матушки-Руси. Она снова стала страной солдат, страной веры, страной истинных славян. И мне известно, что когда Красная Армия занимала города Германии, ни один волос не упал с немецких плеч.

– Головы, – сказал мадам Галль.

– Да, – сказал полковник, – ни одной головы не упало с их плеч.

– Мы все восхищаемся вашими соотечественниками, – сказала мадам Мулбери. – Но что если коммунизм распространится и на Германию?

– Если мне будет позволено высказать свое мнение, – сказал д-р Туфлинг, – я желал бы заметить, что если мы не будем бдительны, то никакой Германии вообще не станет. Главная задача, которую Америке придется решать, это не допустить, чтобы победители поработили немецкий народ, и запретить им посылать молодых и здоровых, немощных и стариков, – интеллигенцию и гражданских лиц – работать как каторжники в бескрайних восточных землях. Это идет вразрез со всеми демократическими и военными принципами. Если вы скажете на это, что немцы именно так и поступали с покоренными народами, я напому вам три факта: во-первых, Германское государство не было демократическим и, стало быть, от него нельзя было ждать соответствующего поведения; во-вторых, большинство, если не все так называемые «рабы» пришли по доброй воле; в-третьих – и это самое главное – их хорошо кормили, одевали, селили в цивилизованных местах, которые, несмотря на наше естественное восхищение колоссальным количеством населения России и ее географией, немцам трудно было найти в стране Советов.

– Не следует забывать и того, – продолжал д-р Туфлинг, драматически возвышая голос, – что нацизм был не немецкой, но чуждой организацией, угнетавшей также и немецкий народ. Адольф Гитлер был австриец, Лей – еврей, Розенберг – полуфранцуз, полутатарин. Германский народ томился под этим иноземным ярмом не меньше, чем другие европейские страны страдали от последствий войны, которая велась на их территории. Мирным жителям, которых не только калечили и убивали, но еще и уничтожали бомбами их ценное имущество и прекрасные дома, – им все равно, с немецкого или союзнического самолета были сброшены эти бомбы. Немцы, австрийцы, итальянцы, румыны, греки и все другие народы Европы стали теперь членами одного трагического братства, но все они уравниены бедой и упованием, ко всем должно относиться одинаково, и предоставим отыскивать и осуждать виновных будущим историкам, непредвзятым старым ученым в бессмертных центрах европейской культуры, в университетской тиши Гейдельберга, Бонна, Йены, Лейпцига, Мюнхена. Пусть феникс Европы снова расправит свои орлиные крылья, и Господь да благословит Америку.

Воцарилась почтительная пауза, во время которой д-р Туфлинг трепетной рукой зажег папиросу, а затем мадам Галль, прелестным девическим жестом соединив ладони, стала умолять его завершить вечер какой-нибудь приятной музыкальной пьесой. Он вздохнул, поднялся, мимоходом наступил мне на ногу, виноватым жестом дотронулся кончиками пальцев до моего колена и, сев за рояль, повесил голову и оставался недвижим несколько ощутимо беззвучных мгновений. Потом он медленно и

Жанровая сцена, 1945 г. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru очень бережно положил папиросу в пепельницу, снял пепельницу с рояля и передал ее в готовно подставленные руки мадам Галль и опять склонил голову. Наконец, он сказал несколько прерывающимся голосом:

– Прежде всего, я сыграю «Стяг наш звездно-полосатый» [3].

Чувствуя, что это было выше моих сил – к этому времени мне уже сделалось и физически дурно – я поднялся и поспешно вышел из комнаты. Я уже подходил к шкапу, куда горничная как будто положила мои вещи, когда меня настигла мадам Галль, а вместе с ней прибор отдаленной музыки.

– Вам непременно нужно идти? – сказала она. – Бы никак не можете остаться?

Я нашел свое пальто, уронил вешалку и с притопом всунул ноги в галоши.

– Вы либо убийцы, либо идиоты, – сказал я, – а может быть, и то и другое, а этот человек – гнусный немецкий агент.

Как я уже докладывал, в критические минуты я подвержен ужасному заиканию, и поэтому моя тирада получилась не такой гладкой, как на бумаге. Но она произвела впечатление. Прежде чем она нашлась, что мне ответить, я, с треском захлопнув за собой дверь, уже нес свое пальто вниз по лестнице, как тащат ребенка из загоревшегося дома. Только на улице я заметил, что шляпа, которую я собирался надеть, была не моей.

Это была сильно поношенная фетровая шляпа, более темного серого оттенка, и с более узкими полями. Голова, для которой она предназначалась, была меньше моей. Внутри шляпы имелся ярлык с надписью «Братья Вернеры, Чикаго», и оттуда веяло чужой гребенкой и чужим вежеталем. Она не могла принадлежать полковнику Мельникову, лысому, как кегельный шар, а муж мадам Галль, как мне показалось, или умер, или держал свои шляпы в другом месте. Нести этот предмет было омерзительно, но ночь была дождливая и холодная, и я воспользовался им как своего рода рудиментарным зонтиком. Придя домой, я немедленно сел писать письмо в Департамент сыскной полиции, но не слишком преуспел. Мое неумение схватывать и удерживать в памяти имена весьма понижало ценность сообщаемой мной информации, и, так как мне надо было еще объяснить собственное свое присутствие на вечере, то пришлось присовокупить массу многословных оценок и каких-то подозрительных сведений о моем однофамильце. Хуже всего было то, что когда я описал всю эту историю в подробностях, она приобрела какой-то бредовый, нелепо-утрированный характер – а между тем, я в сущности мог всего лишь сказать, что некий господин из неизвестного мне города на Среднем Западе, человек, даже имени которого я не знаю, сочувственно отозвался о германском народе в обществе слабоумных женщин преклонного возраста в одном частном доме. Да и почему может быть, во всем этом не было ничего противозаконного, особенно если судить по выражениям той же самой симпатии, то и дело возникающим в писаниях иных весьма известных журналистов.

На другой день рано утром я открыл дверь, в которую позвонили, и передо мной оказался д-р Туфлинг, с непокрытой головой, в макинтоше, молча протягивающий мне мою шляпу с осторожной полуулыбкой на сине-розовом лице. Я взял шляпу и пробормотал нечто благодарственное. Он принял это за приглашение войти. Я забыл, куда я положил его фетровую шляпу, и лихорадочные поиски, которые я принужден был затеять более или менее в его присутствии, скоро сделались смехотворно нелепыми.

– Послушайте, – сказал я, – я вам пошлю, отправлю, препровожу эту шляпу, когда разыщу ее, а если не найду, то пошлю чек.

– Но я сегодня уезжаю, – сказал он вкрадчиво. – К тому же я бы желал получить небольшое разъяснение по поводу странного замечания, которое вы сделали моему дражайшему другу мадам Галль.

Он терпеливо ждал, пока я пытался сказать ему как можно разборчивей, что ей все разъяснят власти и полиция.

– Вы находитесь в заблуждении, – сказал он, наконец. – Мадам Галль – известная общественная деятельница, у нее множество связей в правительственных сферах. Мы, слава Богу, живем в великой стране, где каждый может говорить, что ему

Жанровая сцена, 1945 г. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru вздумается, не опасаясь оскорбления за высказанное частное мнение.

Я велел ему уходить.

Когда затих последний залп моей захлебывающейся речи, он сказал:

– Я ухожу, но запомните, пожалуйста, что в этой стране... – и он с шутливой укоризной погрозил мне согнутым на немецкий манер пальцем.

Пока я решал, куда бы его ударить, он выскользнул. Меня била дрожь. Моя неловкость, порой забавляющая меня и даже чем-то неуловимо приятная, теперь казалась мне отвратительно низкой. Неожиданно мой взгляд упал на шляпу д-ра Туфлинга, лежавшую на кипе старых журналов под телефонным столиком в прихожей. Я бросился к окну, выходящему на улицу, открыл его и, когда д-р Туфлинг показался четырьмя этажами ниже, швырнул шляпу в его направлении. Она описала параболу и блином шлепнулась на середине улицы. Там она сделала сальто, едва не угодив в лужу, и легла, так сказать, вниз головой. Д-р Туфлинг, не глядя, помахал рукой, дескать, вижу, признателен, подхватил шляпу, проверил, не слишком ли она выпачкалась, надел ее и удалился, развязно повилявая ляжками. Я часто спрашиваю себя, отчего это худощавые немцы в макинтоше всегда имеют такой дородный тыл.

Остается рассказать, что неделю спустя я получил письмо, своеобразный слог которого многое бы потерял в переводе:

«Милостивый Государь, – говорилось в нем, – всю жизнь Вы преследуете меня. Мои друзья, прочитав Ваши книги, отворачиваются от меня, думая, будто это я автор этих безнравственных, декадентских сочинений. В 1942-м и в 1943-м немцы арестовали меня во Франции за нечто такое, чего у меня и в мыслях не было. И вот теперь в Америке, не довольствуясь тем, что Вы причинили мне столько неприятностей в других странах, Вы набрались наглости выдать себя за меня и в пьяном виде явиться в дом достопочтенной особы. Я этого так не оставлю. Я мог бы бросить Вас в тюрьму и ославить самозванцем, но, полагая, что Вам это придется не по вкусу, я согласен в виде возмещения за понесенное...»

Требуемая им сумма была весьма и весьма скромной.

Бостон, 1945 г.

Примечания

1 «Не приезжай Альфонс вернулся подозревает будем благоразумны обожаю тоскую» (фр.)

2 Германия по-английски произносится приблизительно как «Джёмэни», а в слове «wonderful», прекрасный, «о» должен звучать, как первый гласный в «порог». Немцы у Набокова любят это английское словцо вследствие его родства с «wunderbar» и часто пользуются им не к месту.

3 «Стяг наш...» – государственный гимн США.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!